

И. Мяновская

ЯНУШ ГЛОВАЦКИЙ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Статья посвящена последней, посмертно изданной книге эссеистики Януша Гловацкого «Бессонница во время карнавала». Подробно рассматриваются тексты из этой книги, опубликованные в русском переводе. Они характеризуются в сопоставлении с эссе, входящими в другую, близкую в жанровом отношении книгу Гловацкого – «Из головы». Творчество Гловацкого анализируется в контексте истории Европы XX в. – от Второй мировой войны до наших дней – в связи с биографией, мировоззрением, идеологией автора, его эстетикой и поэтикой.

81

*This article is devoted to the last, posthumously published, book by Janusz Głowacki – the collection of essays *Bezsenność w czasie karnawału*. The focus is on the texts that were translated and published in Russian. They are compared to essays comprising another book by Głowacki, *Z głowy*, which resembles *Bezsenność* in terms of genre. The works of the author are considered in the context of 20th-century European history from World War II to the present day as well as of Głowacki's biography, worldview, ideology, aesthetics, and poetics.*

Ключевые слова: карнавал, драматург, размышления, эссе, злободневные темы, различия в менталитете.

Keywords: carnival, playwright, reflections, essays, topical issues, differences in mindset.

После скоропостижной кончины Януша Гловацкого 19 августа 2017 г. в Лодзи появилась граффити: портрет писателя с надписью «*I jak tu żyć bez Głowy?*» – «Как жить без Гловы?» Последнее слово – прозвище Гловацкого и одновременно «голова» по-польски¹. Да, Януш Гловацкий – прозаик, драматург, эссеист, сатирик – занимал уникальное, ничем не восполнимое место в современном польском культурном сознании. Поэтому читательское сообщество с особым интересом восприняло выход в издательстве W.A.B. его посмертной книги «Бессонница во время карнавала» [14]. Издание подготовила вдова писателя Олена Леоненко-Гловацкая.

Анонсируя выход «Бессонницы...», журнал «Новая Польша» писал: «Подчас шутливая, иронично-саркастическая по интонации, а иной раз поражающая трагическими нотами, удивительно личная и трогательная. Книгу составили последние прозаические наброски автора, над которыми он работал параллельно с написанием сценария для нашумевшего фильма “Холодная война” Павла Павликовского» [17]. В этом же журнале увидели свет перевод трех эссе из книги на русский язык. [4].

¹ Граффити выполнил Анджей Понговский, друг писателя.

Значительная часть жизни Гловацкого прошла в эмиграции. За несколько дней до введения в Польшу военного положения писатель выехал в Лондон на премьеру своей пьесы «Замарашка» (*Korciuch*) и после 13 декабря 1981 г. решил остаться за границей [9]². В 1983 г. он переехал в Нью-Йорк, а после 1989 г. жил попеременно в США и Польше. Не входя подробно в причины эмиграции Гловацкого, стоит отметить, что в Нью-Йорке он стал одним из самых «награждаемых» драматургов. Упоминая об этом, Эльжбета Баневич задается вопросом: как надо думать и писать, чтобы тебя хотели читать и слушать не только на родине [13]? Дорогой к ответу на этот вопрос стало для Баневич биографическое исследование, в котором жизнь «одного из самых интеллигентных писателей современности» [13, с. 17] предстала как сюжет, исполненный неожиданных сюжетных ходов, драматических перипетий и поворотов судьбы.

Впрочем, с биографами Гловацкому повезло. Монография Эльжбеты Баневич «Джанус. Драматические случаи Януша Гловацкого» [13] вышла еще при жизни писателя. Нельзя не упомянуть исследования В. Попель-Махницкого (Познань) и Барбары Оляшек (Лодзь) [16, с. 213–221; 11]. Вообще, чтобы писать о Гловацком, необходима авторская смелость, потому что сам классик польской литературы немало написал о себе и многое сделал для превращения своей жизни в нарратив, а своего голоса — в прямую речь. К числу произведений «от первого лица» и «о первом лице» относятся прежде всего «Бессонница во время карнавала» и ставшая уже классической более ранняя книга Гловацкого «Из головы».

Эти два произведения так резонируют между собой, что трудно уйти от их сопоставления.

Автобиографическое произведение Гловацкого «Из головы» (*Z głowy*, 2004), переведенное и изданное в России в 2007 г. [1; 2]³, обращено к важнейшим событиям жизни писателя. По мнению критиков, эта книга «стоит в одном ряду с опубликованными ранее “Красивыми двадцатилетними” Марека Хласко и “Календарем и клепсидрой” Тадеуша Конвицкого» [18].

Миниатюрные эссе Гловацкого раскрывают не только взгляд автора на социальные пороки современности. Писатель предельно конкретен в суждениях и характеристиках. Он затрагивает, в частности, такие «неудобные» темы, как введение военного положения в Польшу или открытие в Едвабно памятника евреям, убитым поляками в соучастии с немцами. В эссе *One way ticket* («Билет в один конец») Гловацкий задумывается о возможности вернуться на родину [1, с. 2]: «...Военное положение будто специально для меня ввели. Всю жизнь я сокрушался: хорошо Норману Мейлеру или Джозефу Хеллеру, Хемингуэю или Бабелю — им-то было о чем писать. И на тебе! Когда тема сама пожаловала в дом, меня там не оказалось. Потом всю жизнь буду локти кусать.

² Все высказывания без указания источника взяты из интервью, которые автор этого текста провел в 1990–2009 гг. для газеты *Rzeczpospolita*.

³ Все цитаты приводятся по [2].

Значит — надо возвращаться!» [1, с. 3]. Однако у Гловацкого было не меньше причин творческого характера, чтобы отказаться от возвращения в Польшу. На Западе он мог говорить и быть услышанным. В Лондоне «Замарашка» пользовалась большим успехом [13, с. 105]; его новых произведений и постановок ждали зрители и журналисты. Лондонская критика увидела в пьесе аллегорию нетолерантности авторитарной власти. После лондонской премьеры *The Guardian* назвала «Замарашку» лучшей «независимой постановкой года» [13, с. 107]. Таким же успехом пользовалась пьеса в Америке, куда Гловацкий получил приглашение после лондонского успеха [1, с. 4–5]. Стоит отметить, что «Замарашка» была поставлена и в СССР — в 1988 г. в Москве, Санкт-Петербурге и других городах [9, с. 12].

Эссе, составляющие книгу «Из головы», разнородны: это размышления философского, историко-биографического, личного, а также литературно-критического плана, окрашенные нотками иронии или сарказма. В эссе «Приключения черепашонка Гуру» Гловацкий вспоминает отца и мать (матери Гловацкий посвятил отдельное эссе, которое назовет «самым трудным»), няню, деда, варшавское восстание, дом на Мокотове в Варшаве и немецкую оккупацию. Но название эссе фокусирует внимание читателя на черепашонке из разбитого грузового вагона, которого приютила семья мальчика. Беспомощное и милое создание становится образной параллелью к судьбе самого Юлиуша, одновременно иронической и трагической, ведь черепашонок пропадает в хаосе бегства из Варшавы, реализуя несчастный вариант судьбы автора. Наряду с личным опытом предметом рефлексии Гловацкого становится и природа памяти. «...То ли я это помню, то ли откуда-то знаю» [1, с. 6] — подобного рода сомнения появляются в тексте регулярно. Личная память пробуждается или модифицируется событиями современности. Так, 11 сентября 2001 г. напоминает писателю о бегстве мирных жителей после восстания в 1944 г.: «Эту картину я отчетливо вспомнил... когда смотрел в Нью-Йорке на такую же толпу людей, убежавших с Манхэттена по Бруклинскому мосту и все оглядывавшихся на пылающие башни-близнецы, совсем как мы когда-то в Варшаве» [1, с. 7].

Гловацкий продолжает размышления о собственной судьбе в эссе «Как я стал» [1, с. 9–12], посвященном трудностям адаптации в Америке. Сначала писатель вспоминает о двух своих посещениях США до эмиграции, сначала в рамках международной программы для писателей в университете штата Айова, потом — по линии Госдепартамента. Гловацкий признается, что тогда его мало интересовали встречи с писателями и официальная «культурная программа»: «Стыдно признаться, но больше чем статуей свободы, духом демократии и Джефферсоном я был увлечен тогда порнографией и мулатками... а на гениальных писателей я досыта насмотрелся в столовке Союза польских писателей на Краковском Пшедместье в Варшаве, когда нечего было и мечтать хотя бы одним глазком увидеть не только Сан-Франциско, Большой каньон или Лас-Вегас, но и какого-никакого завалящего трансвестита» [1, с. 9].

После 1983 г., когда Америка вдруг стала для Гловацкого новым домом, ценности пришлось переосмыслить. Американские литераторы теперь стали для него в буквальном смысле бесценными, ибо от встреч с ними зависело финансовое положение нового иммигранта — стипендии, визы и пр. Гловацкий сам себе в тот период приписывает «расчетливость», ведь наладить жизнь в чуждой среде — «крайне запутанно и сложно» [1, с. 10]. Даже с политкорректностью были проблемы, тем более — с поиском своего места под солнцем Америки: «Я белый, но с эмигрантским оттенком, незаметным глазу, пока не заговорю. А потому не чувствую себя уверенно ни в обществе белых, ни в обществе черных. Но вместе с ними и латиносами боюсь арабских террористов. Так может быть, именно они спустя какое-то время Америку объединят? Хотя не факт» [1, с. 10]. В эмиграции Гловацкий проявляет интерес не только к политическим событиям, ему интересно замечать различия в менталитете, историческом опыте, в понимании литературы и искусства. Личные наблюдения и впечатления помогли писателю, преподавателю в Беннигтонском колледже, избегать тематики, в которой студенты мало разбирались (Вторая мировая война, Вьетнам и т. д.). Куда лучше они могли выбирать куски из газет, годящиеся, по их мнению, для новой пьесы. Время позволило писателю избежать недоразумений: «...Я решил для себя на будущее, что правдиво единственно то, что мне кажется, а все остальное фикция» [1, с. 11]. Этот принцип помог Гловацкому почувствовать себя в Беннигтоне как дома.

Однако комплекс провинциала мучил Гловацкого долго и нашел отражение в эссе «Гринпойт» [1, с. 12–13]. Задаваясь вопросом о неистребимом чувстве неполноценности поляков в Америке, в его основе его писатель находит запутанный и трудно изъяснимый клубок причин (опыт национального угнетения, плохой английский, манера поведения и пр.), в котором он не надеется разобраться. Но замечает, что чувство неполноценности легко переходит у его соотечественников в заносчивость: «Поляки в Нью-Йорке с места в карьер становятся больше поляками, чем у себя на родине... А “польский” район в Бруклине, то есть Гринпойт, сильно напоминает Колюшки, и Колюшки те становятся большими Колюшками в Нью-Йорке, чем настоящие под Лодзью. Бруклинские Колюшки страшноваты и одновременно трогательны» [1, с. 12]. Гловацкий тоном понимающего наблюдателя описывает жизнь граждан Гринпойнта, состоящую из тяжелой работы, ничего не обещающую, мучительную и бесперспективную. По-настоящему славно здесь, по словам писателя, лишь по праздникам — например, четвертого июля, в День независимости, когда поляки и презируемые ими пуэрториканцы собираются на берегу Ист-Ривер, откуда хорошо видно праздничный фейерверк... «И все тогда у них наконец как у людей» [1, с. 12], — резюмирует писатель.

Отклик Гловацкого на историческую и общественную ситуацию США звучит в эссе «Четвертая власть» [3, с. 13–14]. В фокус его внимания попадают популярные нью-йоркские газеты. Американские (и не только) масс-медиа предстают в эссе Гловацкого как фабрика, производящая подменную реальность: «...Что происходит на самом деле, как

бы не существует, а есть то, чего нет в действительности» [3, с. 13]. Взгляд художника различает в медийном образе мира причудливое соединение натурализма и сюрреализма, разницу между которыми уловить все труднее [3, с. 13]. Раздувая дешевые сенсации, пресса придает ничтожным темам вселенское значение. С сарказмом Гловацкий пересказывает рейтинг «самых отвратительных личностей XX в.» из некоей «прореспубликанской газеты», в котором плейбой Билл Клинтон оказывается более «отвратительным», чем Эйхман или доктор Менгеле. С другой стороны, вездесущая пресса разрушает все этикетные и моральные границы личной жизни, канонизирует права пакостного читательского любопытства. С горькой иронией Гловацкий вспоминает эпизод из шоу MTV, в котором молодой человек спрашивает Клинтона, какие трусы тот носит, и президент вынужден отвечать, лишая свой образ «всякой таинственности и харизмы» [3, с. 14]. Причина этой тотальной порчи нравов, считает Гловацкий, прозаична. Медиа — это «самый выгодный бизнес» [3, с. 14].

«Из головы» Януша Гловацкого — это фактическое, правдивое свидетельство о том, какую писатель увидел и запомнил Америку. Это не сухая констатация фактов, но тем более это и не инвектива. Причудливый «хабитус» современных Соединенных Штатов описывается если не с пониманием, то с достойной мерой уважения. В тональности эссе Гловацкого звучит скорее правда впечатления, нежели осмысления, воспринимаемая как живое присутствие личности эссеиста в тексте.

Обратимся теперь к новой книге Я. Гловацкого «Бессонница во время карнавала». Сборник составлен из 43 коротких набросков-эссе. Он завершается «Эпилогом» дочери писателя Зузы Гловацкой и послесловием, в котором вдова писателя Олена Леоненко-Гловацкая выражает благодарность всем, кто поддержал ее после смерти мужа и помог в издании книги [15, с. 146 — 157]. Эпилог в данном случае — не только дань традиции, он становится призмой, преломляющей текст последней книги Гловацкого и помогающей яснее увидеть в них все, что было подлинно важным в жизни автора. Во-первых, это свобода. Во-вторых, невероятная любовь ко всем живым существам, от тараканов, крыс (в 1996 г. вышел сборник, в который вошли все произведения Гловацкого, под названием «Клоаки. Жабы. Тараканы»), мух, голубей, воробышка, блошки до пса Бруно, ставшего со временем Бруноном Леоненко-Гловацким, и многих других, которые, согласно легенде, размышляют теперь о его дальнейшей судьбе.

Журнал «Новая Польша» откликнулся на последнюю книгу Гловацкого, опубликовав перевод трех эссе из нее: «Карнавал 2017» (*Karnawał 2017*), «Я» (*Ja*) и «Странный сон» (*Dziwny sen*). На наш взгляд, выбор этих текстов не случаен — «Карнавал 2017» соотносится с эссе «Странный сон», а оба вместе — с названием книги. Если сборник «Из головы» стал отображением американской жизни на чудесном экране авторского восприятия, то новая книга отражает сходным образом жизнь домашнюю, польскую — какой она предстает в начале XXI в. — с той же неподдельной причастностью и в то же время философской отстраненностью.

Гловацкого отличает лаконизм концентрированного выражения мысли и меткость иронических метафор. Внимательный ко всему живому, Гловацкий начинает эссе «Карнавал 2017» с описания птичьего переполоха: вороны и чайки отнимают еду у воробьев. Их галдеж и стук клювов писатель сравнивает с карнавалом в разгаре, с шумом Краковского предместья во время массового гуляния по случаю свадьбы, крестин или похорон. (В книге «Из головы» он аналогичным образом сопоставлял массовое общество со стадом коров, пораженным «бешенством».) На этот раз иронию автора вызывает претензия современной Польши на особый статус среди стран Европы. Средневековая чума, — пишет Гловацкий, — обошла Польшу (но потрепала Германию) не иначе как по причине особого покровительства Пресвятой Девы Марии [5]. Словно заново осмысливая известную метафору, Гловацкий сравнивает беды современного мира с чумой, а политическую самоуверенность Польши — с поведением людей, верящих, что им эпидемия не страшна. Финал эссе возвращает читателя к «птичьей» метафоре, подтверждая, что общество людей не так далеко ушло от естественного отбора и мир птиц прекрасно комментирует мир людей. Гловацкий вспоминает анекдотическую сценку с похорон Владислава Броневского — «поэта, в отношении которого в последнее время возникли сомнения выпереть ли его посмертно из истории литературы, названий улиц и вообще» [5], — так как тот успел побывать не только узником Сталина, но и его же искренним гимнопевцем. «Но я не об этом. Ну так вот, над могилой произносил речь Рышард Добровольский, тоже поэт — дрянной, зато убежденный коммунист, — и начал он так: “Когда умирает поэт, смолкают птицы!” — и тут над кладбищем пролетела, каркая, огромная стая ворон» [5].

Следующее эссе, озаглавленное «Я», становится манифестом субъективности эссеиста. Он решительно заявляет о намерении выступать в тексте от собственного лица, не передоверяя суждения фиктивной фигуре повествователя, так как, по мнению Гловацкого, слишком просто и не совсем честно сваливать на него ответственность за сказанное. «Мое решение — очень смелое и честное, такое можно принять раз в жизни и только будучи человеком твердых убеждений и глубокой веры» [6]. Открыто субъективная позиция позволяет эссеисту не прятать своих недостатков и даже пороков, что помогает иногда обращать их в достоинства. Так, зависть — «низменное и отвратительное» чувство, пишет Гловацкий. И тут же признается: «Я завистлив». Вместо публичного обещания исправиться писатель оправдывает свою приверженность зависти: «Если задать ей верное направление, добавить ненависти и жажды возмездия, получатся вещи прекрасные и чистые, как слеза или кристалл» [6]. На самом деле Гловацкий защищает здесь не зависть, а право писателя свободно и критично взирать на любые установления и противоречить им. Оно же — право чтения «от первого лица», без оглядки на скрижали авторитетов. «У меня слишком много “я”», — то ли признается, то ли хвастается автор. И тут же сравнивает себя с повествова-

телем «Кроткой» Достоевского: «Рассказчик без конца говорит “я”. Как я страдаю, какие чудовищные муки или унижения я испытываю... В польском переводе количество “я” существенно меньше. Вероятно, переводчик исправил, чтобы красивее звучало» [6]. Некую особую правду Гловацкий, как кажется, признает и за рассказчиком, и за переводчиком. «В Нью-Йорке на двери небольшого еврейского театра в самом низу Манхэттена я видел плакат: “Гамлет” Уильяма Шекспира – перевел и исправил Исаак Лихтенбаум» [6].

Эссе «Странный сон» является последним в композиции сборника. Вечный литературный мотив сновидения завершает книгу, в заглавии которой стоит слово «бессонница», а диалог, в духе М. Бахтина, становится как бы завершением «карнавала». Ю. Кристева справедливо отмечала, что диалог лучше всего раскрывается в структуре карнавального языка [10, с. 224]. Эссе «Странный сон» построено на диалоге в большой палате, его участники – рассказчик, хирург, медсестры, уборщицы [7]. Впрочем, участвует в беседе и читатель, с которым автор обсуждает совсем не дела медицинские, а острые проблемы современности. Ведь в диалоге рассказчик – важнейшее художественное средство [8, с. 266–311]. В эссе «Страшный сон» характерным образом сочетаются мотивы карнавала, телесности и сновидения. Кристева констатирует: «Карнавал ликвидирует субъекта: здесь обретает плоть структура автора... автора, творящего и в то же время наблюдающего за собственным творчеством, автора как “я” и как “другого”, как человека и как маски» [10, с. 230]. У хирурга из «Странного сна» Гловацкого на лице «была маска, белая, без узоров, а в руке – ланцет» [7]. Медсестры и уборщицы хихикали и веселились, «отпускали шуточки». Происходящее далее превращает «сон» в безудержный гротеск. Из вскрытого тела сновидца появляется вереница монстров, человекоподобных уродцев, причем каждый произносит некую фразу-лозунг, наподобие рифмованного слогана или литературной цитаты. Комическое и трагическое, великое и ничтожное, глупость и мудрость в этом хоре перемешаны. Карнавальная структура у Гловацкого направлена против идеологии. Смех замирает, и явившаяся из тела голова заявляет: «Сталин с Берутом вернуться, работяги не загнутся» и далее: «Праздник нынче у жидов, им костер уже готов!» – провозглашает «толпа тусовщиков» [7]. На двух страницах «Странного сна» в чудовищной и карикатурной форме затронуты, кажется, все проблемы современной Польши: «Беженец, вали домой», «Арабы и негры валите вон», «Исламисты-гопота, вы поляку не чета». И среди этого уличного гвалта диссонансом звучит реплика популярного в Польше ксендза и поэта Яна Твардовского: «Нужно торопиться любить людей, они так быстро уходят» [7].

Финальное эссе сборника «Бессонница во время карнавала» решительно расширяет и углубляет смысловое пространство книги. Трудно оценить смыслопорождающий потенциал этой причудливой миниатюры. Карнавальный дискурс заложен уже в заглавии книги, но сам карнавал как популярный концепт подвержен у Гловацкого аналитической рефлексии.

Автор этого исследования не претендует на исчерпывающие результаты. Сейчас возможна лишь постановка вопросов, ответы на которые должны прозвучать позже, как результат работы литературоведов, культурологов, историков.

Список литературы

1. Гловацкий Я. Из головы. М., 2007.
2. Гловацкий Я. Из головы: фрагменты книги / пер. И. Подчищаевой // Иностранная литература. 2006. №8. С. 211 – 240.
3. Гловацкий Я. Четвертая власть // Иностранная литература. 2006. №8. С. 235 – 237.
4. Гловацкий Я. Бессонница во время карнавала // Новая Польша. 2018. №11. URL: <https://www.nowayapolsha.pl/pdf/2018/11.pdf> (дата обращения: 23.01.2019).
5. Гловацкий Я. Карнавал 2017 // Гловацкий Я. Бессонница во время карнавала. URL: <https://www.nowayapolsha.pl/pdf/2018/11.pdf> (дата обращения: 23.01.2019).
6. Гловацкий Я. Я // Гловацкий Я. Бессонница во время карнавала URL: <https://www.nowayapolsha.pl/pdf/2018/11.pdf> (дата обращения: 23.01.2019).
7. Гловацкий Я. Странный сон // Гловацкий Я. Бессонница во время карнавала. URL: <https://www.nowayapolsha.pl/pdf/2018/11.pdf> (дата обращения: 23.01.2019).
8. Иванов Вяч. Значение идей М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // М.М. Бахтин: Pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли : антология : в 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 266 – 311.
9. Ковальчик Я.Р. Януш Гловацкий // Culture.pl: [сайт]. URL: <https://culture.pl/ru/artist/yanush-glovackiy> (дата обращения: 23.01.2019).
10. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // М.М. Бахтин: Pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли : антология : в 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 213 – 243.
11. Оляшек Б. «Четвертая сестра» Януша Гловацкого. О роли литературного и иконического контекстов сатирических произведений // Имя текста, имя в тексте : сб. науч. тр. Тверь, 2004. С. 139 – 148.
12. Сараскина Л. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М., 2006.
13. Vaniewicz E. Dżanus. Dramatyczne przypadki Janusza Głowackiego. Warszawa, 2016.
14. Głowacki J. Bezsennosc w czasie karnawału. Warszawa, 2018.
15. Głowacka Z. Podziękowania. Nota o źródłach // Głowacki J. Bezsennosc w czasie karnawału. Warszawa, 2018.
16. Popiel-Machnicki W. Русская тема в творческих размышлениях Януша Гловацкого // Studia Rossica Posnaniensia. Т. 38 / red. J. Kaliszan. Poznań, 2013. С. 213 – 221.
17. Новая Польша: журнал : [сайт]. URL: <https://www.nowayapolsha.pl/> (дата обращения: 23.01.2019).
18. Януш Гловацкий // Culture.pl : [сайт]. URL: <https://culture.pl/ru/artist/yanush-glovackiy> (дата обращения: 23.01.2019).

Об авторе

Иоанна Мянговская – д-р филол. наук, проф., Университет им. Казимира
Великого, Польша.
E-mail: miano@wp.pl

The author

Prof. Joanna Mianowskaya, Kazimierz Wielki University, Poland.
E-mail: miano@wp.pl